

Из истории естествознания

Н. А. ГРИГОРЬЯН

НАУЧНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И. П. ПАВЛОВА

Когда мы любим, гордимся отечеством – это значит, что мы любим, гордимся его великими людьми, т.е. теми, которые сделали отечество и сильным, и уважаемым на исторической сцене.

Иван Павлов, 1930.

Что ни делаю, постоянно думаю, что служу этим, сколько позволяют мне мои силы, прежде всего моему Отечеству, нашей русской науке.

И это есть сильнейшее побуждение, и глубокое удовлетворение.

Иван Павлов, 1934.

Гениальных ученых мало, но еще реже гениальный ученый совмещается с большим человеком. Иван Петрович Павлов принадлежал к этим редким исключениям. В этом огромное обаяние его личности.

Петр Капица, 1936.

Иван Петрович Павлов был не только гениальным ученым, но и великим гуманистом и гражданином. «Неотступное думание» о науке и России было неотделимо от его дум о судьбе отдельного человека и будущем человечества.

До 90-х годов XX в. мы мало знали о публицистике Павлова, о содержании его общественно-научных выступлений и лекций, речей, посвященных таким общечеловеческим и социальным проблемам, как свобода и дисциплина, государство и гражданское общество, культура поведения, психическое здоровье нации, наука и демократия; взаимодействие русского народа с народами, веками вместе живущими в России.

Наиболее остро и болезненно, резко и однозначно активная общественно-гражданская позиция Павлова была проявлена в значительные исторические периоды жизни России, была связана с ее судьбоносными событиями: русско-японской войной (1904–1905), Первой мировой войной, периодом революций 1917 г. и гражданской войной.

Важно заметить также, что с публичными лекциями Павлов выступал в период 1918–1923 гг., когда в Петрограде отсутствовали необходимые условия для проведения экспериментальных исследований.

Замечательны взгляды Павлова на роль великих людей, прежде всего ученых, в истории народа и культурного государства. Не случайно, что именно в 1907 г., в год его избрания в Академию наук, Павлов выступил с речами о

Н. И. Пирогове, И. М. Сеченове и Д. И. Менделееве. Он говорил, что русский народ, выдвинувший из своей среды мировых писателей и артистов, и прежде всего великих ученых, «может считать себя в достаточной степени гарантированным по доли участия в общий прогресс человечества... Он может с полным доверием относиться к своему будущему»¹.

«В сущности нас интересует в жизни только одно: наше психическое содержание. Его механизм, однако, и был и сейчас еще окутан для нас глубоким мраком», – этими словами закончил Нобелевскую речь Павлов 12 декабря 1904 г.²

Последовательному естественно-научному изучению закономерностей психической деятельности на протяжении 35 лет были посвящены исследования школы Павлова. Закономерности, установленные в лаборатории, Павлов использовал в публичных лекциях, посвященных социально-культурным вопросам фундаментального значения. Речь идет о таких лекциях Павлова, как «О самоубийствах» (1913), «Об уме вообще» и «О русском в частности» (1918), «Основы культуры поведения животных и человека» (1919), «Закономерность умственной деятельности и связь научной лаборатории с жизнью» (начало 1930-х гг.). Впервые эти лекции были опубликованы в 1999 г.³

В них Павлов не только ставил вопрос, но и давал решение – как исправить положение, что делать. Так, в лекции «О самоубийствах» – анализируя причины «великой печали русской жизни», как он называл самоубийства, Павлов пришел к открытию «рефлекса достижения цели». Основной социальной причиной самоубийств Павлов считал разочарование в жизни, отсутствие цели в жизни, поэтому первоочередной задачей государства и общества считал воспитание в каждом «рефлекса достижения цели». В дальнейшем, возвращаясь к этому вопросу, Павлов выступил с докладом «Рефлекс цели» на III съезде по экспериментальной педагогике в Петрограде 2 января 1916 г.

Сегодня идеи Павлова по наиболее общим фундаментальным проблемам – социально-культурного и политического развития России, его оценка политики властей относительно науки и ученых в жизни государства – актуальны как никогда. Ярким и убедительным свидетельством служит его позиция в вопросе о взаимодействии народов России, прежде всего двух братских народов – русского и украинского. В разгар гражданской войны в мае 1919 г. в лекции «Основы культуры поведения животных и челове-

И. П. Павлов в конце 1880-х гг.

¹ Павлов И. П. Избр. труды. М., 1999. С. 30.

² Там же. С. 309.

³ Григорьян Н. А. Иван Петрович Павлов. Ученый. Гражданин. Гуманист. М., 1999. С. 243–259.

ка» в Петроградском медицинском институте, посвященной вопросу о разумном «законном» взаимодействии основ поведения – свободы и дисциплины – Павлов на конкретных примерах из жизни высшей школы и науки показывает, что «революция есть освобождение от всех тормозов», отсюда «всякие эксцессы в области желаний, и в области мысли, и в области поведения».

Переходя к более глобальному вопросу – к мечте человечества о «мировом союзе народов с целью соединить в одну семью все нации», Павлов спрашивал – а что у нас? –

Столетия существовали вместе народности России, привыкшая к общему государственному языку, связанные общими интересами, привычками жизни и т.д... После революции можно было надеяться, что желания всех будут удовлетворены, будут даны и школы, и законы. Союз между ними был уже готов. Так что же случилось? Как только произошла революция, все мы рассыпались, отвернулись друг от друга, и каждый хочет самоопределиться. Какой же в этом толк? Когда мы вместе, мы обладаем силами, а в отдельности с нами расправится всякий, кто сильнее. Так оно и есть... Ясно, что наши стремления не отвечают потребностям человечества, а являются лишь результатом того, что с нас снята узда: это есть проявление вольности, свобода без всякого участия другой половины жизни – дисциплины... Возьмем более частный случай, возьмем отделение Малороссии от Великороссии, – продолжал Павлов. – Я жил порядочно, доживая до предельного человеческого возраста – 70 лет. 10 лет я был студентом, имел товарищей со всего простора России. Затем я был профессором, когда чрез мои руки прошли тысячи молодых людей. И я скажу без малейшего преувеличения, я никогда, ни на один момент не почувствовал, что есть великороссы, как отдельная нация, и малороссы. Мы всегда вместе и плакали и радовались. Что бы я ни делал, что бы я ни думал, я никогда не принимал в расчет – кто я – великоросс или малоросс. И вдруг откуда-то получается неудержимое стремление к распаду? Чем это оправдывается, зачем это надо? ... И мы в это время, когда с Запада на Восток двигаются наши исторические враги, мы сочли за благо распасться, чтобы быть в несколько раз слабее ⁴.

Академик Л. А. Орбели подчеркивал, что именно успехи национальной политики Советского Союза послужили основанием для постепенного изменения отношения Павлова к советской власти. Объединение России с другими республиками Павлов приветствовал как свободный союз равноправных народов. Орбели вспоминал:

Мне пришлось за несколько дней до кончины Павлова беседовать с ним. Он говорил, до какой степени его радует, что русский народ перешел от системы господства над другими нациями к системе дружеского взаимопонимания и взаимоотношений. Это есть действительно трезвая политика, говорил он, и успех будет скорее и крепче, чем при тех объединениях, которые создавались путем насилия ⁵.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1а. Д. 5. Л. 27–48. (Цит. по кн.: Григорьян Н. А. Иван Петрович Павлов... С. 250–252.)

⁵ Орбели Л. А. Избр. труды. М.: Наука, 1968. Т. 5. С. 195–196.

Это «неотступное думание» о судьбе родины не покидало Павлова до конца дней. Посол СССР в Англии И. М. Майский писал:

Павлов открытый человек без всякой дипломатии... Во время встреч в Лондоне в 1935 г. мы много говорили и беседовали с ним на разные темы: о науке, о русском народе, о будущем человечества ⁶.

И. П. Павлов о свободе и дисциплине

Вступительную лекцию каждый новый учебный год в Военно-медицинской академии (ВМА) Павлов по традиции посвящал «предмету, далекому от его специальности», но значительному по общественному интересу.

Слушатель ВМА начала 20-х годов XX в. А. П. Быстров, будущий известный анатом, палеонтолог и художник, вспоминал:

Первый час своей лекции Павлов по давно у него установившейся привычке посвящал нефизиологическим темам. В дореволюционное время он делал обзоры литературных новинок, критиковал деятелей Государственной Думы, оценивал назначение новых министров... После Октябрьской революции он в течение первого этого часа обычно занимался тем, что бранил большевиков ⁷.

На лекции к Павлову собирались не только студенты ВМА, но и других вузов Петербурга.

Выдающийся химик, академик В. Н. Ипатьев писал:

Павлов никогда не боялся открыто выражать свое неуважение к большевикам ни в Академии, ни на своих лекциях. Он прекрасно понимал, что его научная репутация ставит его в недосыгаемое для них положение. Даже среди равных ему научных светил лишь немногие могли высказывать свои политические взгляды и убеждения столь свободно ⁸.

Одну из лекций 1919 г. (14 мая) Павлов посвятил вопросу культуры поведения человека, основу которой составляет единство свободы и дисциплины ⁹.

Истина в том, что жизнь состоит из двух половин, из свободы и дисциплины... Отказываться от одной половины – значит обрекать себя на жизненный позор.

Он исходил из достижений нейрофизиологии в изучении взаимодействия процессов раздражения и торможения, из фундаментального закона их согласованного взаимодействия. Согласно Павлову, созидание, культура в любом деле – идет ли речь о государстве и обществе, или воспитании отдельного человека – начинается с практики «тормозов», «узды».

На конкретных примерах поведения культурных народов Европы – англичан и немцев – Павлов показал, что они сознательно в своем поведении практикуют единство свободы и дисциплины.

⁶ И. П. Павлов в воспоминаниях современников. Л.: Наука, 1967. С. 333.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 1. Д. 67. Л. 74.

⁸ Ипатьев В. Н. Реорганизация Академии наук // И. П. Павлов. Первый Нобелевский лауреат России. СПб., 2004. С. 504.

⁹ Павлов И. П. Основы культуры поведения животных и человека. СПбФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1а. Д. 5. Л. 27–48.

тикуют «массу тормозов» (тормоз – «узда», у Павлова синонимы). А тормоза эти, согласно Павлову, представлены: религией, законом, властью, контролем, воспитанием, обычаями, привычками. Английская нация, говорил Павлов, сумела распространить свое влияние и «обсеменить» культурой весь мир. Ей принадлежат вершины в науке (Ньютона и Дарвина) и литературе (Шекспир); она вместе с тем держится религии больше, чем какая-нибудь другая нация. Бывая много раз в Англии (среди профессоров медицинского факультета, в Королевском медицинском обществе, на юбилее Королевского общества и др.), Павлов убедился, что в Англии религия и наука «стоит одна другой». Аббат, приветствуя ученых – участников 300-летия юбилея Королевского общества в 1912 г., говорил: «Бог есть истина. Церковь кланяется вам, как искателям и накопителям истины». «Таково отношение к первому тормозу, к первой узде самых свободолюбивых и умственных людей»¹⁰.

И в большом и в малом англичане и немцы строго соблюдают законы (второй тормоз после религии).

В университетах Кембриджа и Оксфорда, из которых выходит цвет английской интеллигенции, ежегодно советом профессоров избираются два профессора для наблюдения за приличным поведением студентов на улице. И это «не возмущает студентов и не шокирует профессоров! Видите, какие поражающие факты внимания к этой узде, дисциплине. И там это проходит через всю жизнь. Вы знаете, до какой степени там крепки обычай, привычки... На этом вы поддерживаете практику нервной деятельности, упражняете торможение»¹¹. Передовые нации – англичане и немцы таким образом придают важное значение торможению, узде, как и деятельности, свободе. Ибо идеал состоит «в равновесии одного и другого – когда рядом с торможением обеспечиваются законные пределы свободы. В этом отношении интересные примеры дает практика английских государственных людей и учителей... Видите, господа, что у передовых наций осуществлено от мелкого и до большого – сочетание дисциплины и свободы»¹².

Переходя к ситуации в России, Павлов говорил: «здесь очень не похоже» сравнительно с англичанами.

Наши интеллигентные классы очень нерелигиозны... Какое возмущение вызвал бы у нас контроль за студентами... Возмущались бы профессора, считая, что им навязывают полицейские функции. Далее... Мы воспитываем детей без власти над собой... Разве наши законы исполняются? Разве не обходят их на каждом шагу? Разве наши штрафы когда-нибудь берутся? Нет. У нас все только на бумаге. И вместо практики торможения мы поступаем как раз наоборот, мы эту практику постоянно уничтожаем... Русский человек еще не дожил до той истины, что жизнь состоит из двух половин, из свободы и дисциплины¹³.

Ужасной убедительной иллюстрацией отказа от дисциплины является «настоящее революционное время». Что такое революция вообще? – спрашивает Павлов и отвечает:

¹⁰ Цит. по: Григорьян. Иван Петрович Павлов... С. 249.

¹¹ Там же. С. 249–250.

¹² Там же. С. 250.

¹³ Там же. С. 251.

Это есть освобождение от всех тормозов, о которых я говорил, это есть полная безудержанность, безудержанность. Были законы, обычай... Все это теперь идет наスマрку. Старого не существует, нового еще нет. Торможение упразднено, остается одно возбуждение. И отсюда всякие эксцессы и в области желаний, и в области мысли, и в области поведения [...]

Пример. Что требует от меня революция? У меня – лаборатория, я старый опытный доктор медицины, профессор, академик. Революция требует, чтобы управление лабораторией определялось голосованием... и вы будете вынуждены вести не ту работу, которую хотите вы, а ту, которую хочет человек, только еще приступивший к научной работе. Разве это не есть революционное безумие? ¹⁴

Свобода и дисциплина. Свобода и узда

Под дисциплиной – «уздой» – Павлов подразумевал закон. И он считал, что верховенство дисциплины (закона) обязательно для всех, для каждого члена гражданского общества.

В свете идей Павлова о формировании поведения, основной принцип политики России в управлении обществом – гармония между свободой и пра-вопорядком, свободой и признанием гражданами власти закона, верховенство закона.

В лекции «Основы культуры животных и человека» (1919) Павлов поясняет, что значит торможение – узда:

Все совершенство, вся тонкость жизни, все это осуществляется при посредстве торможения. И если вы отнимите эту половину нервного механизма, а оставите лишь одно раздражение, то настанет хаос, который уничтожит все совершенство жизни, все соответствие животного с окружающим миром. Таким образом, надо признать, как основной закон жизни, подобно закону тяготения, что мыслительная деятельность состоит из двух половин, из двух проявлений, из свободы, раздражений и из торможений, дисциплины, узды. Я должен прибавить, что установление этого факта есть важнейший пункт, достигнутый биологией теперешнего момента, и здесь, кроме того, есть обстоятельство, которым мы, русские, можем гордиться. Факты торможения впервые привлекли к себе внимание научного мира 50 лет назад благодаря русскому уму, благодаря патриарху русской физиологии профессору Ивану Михайловичу Сеченову. Это было в 63-м году прошлого [XIX в.] столетия и явилось первой важной русской физиологической работой. Работа эта называлась «Опыты о задерживающих центрах». В Брошюре «Рефлексы головного мозга» Сеченов придал этой идее торможения то значение, которое я сейчас развел перед вами. Таким образом, это русская идея, и мы с этой стороны можем быть удовлетворены [...]

Как эта деятельность ни необходима, как она ни важна, тем не менее она хрупче, лабильнее, податливее, чем деятельность раздражения... Вместе с тем очень важно в практическом отношении то, что установлено, что эта тормозная деятельность доступна практике усиления, ее можно развить благодаря упражнению, тренировке [...]

Таким образом, основной закон нервной системы тот, что она состоит из двух половин: из проявления деятельности раздражения или свободы в ши-

¹⁴ Там же. С. 252.

роком смысле, из проявления деятельности задерживания, торможения, или дисциплины, узды. Вне этого нет жизни. Жизнь уничтожается. Можно представить массу примеров, что жизнь есть равновесие, что высшее совершенство жизни, культура животного связана с равновесием этих двух половин. Как только происходит перевес одной половины над другой, вы сейчас же получаете некультурный, не соответствующий действительности тип [...]

Высшая человеческая культура и высшее человеческое счастье, согласно Павлову, в гармоничном сочетании свободы и дисциплины, свободы и узды. Они должны, заключает лекцию Павлов, дружески подать друг другу руки. «Но... Господа! Меня гложет мучительное сомнение! Это слияние и это счастье возможны для русского человека и славянина вообще или невозможны»¹⁵.

Последовательно развивающаяся фундаментальная идея всех публичных выступлений и лекций Павлова в 1920-е гг. – в знании законов физиологии нервной системы как основы культуры поведения человека, и в первую очередь, социального поведения.

Создавая физиологию высшей нервной деятельности – науку о физиологических основах поведения, Павлов стремился использовать достижения науки в повседневной жизни. В лекции «Закономерность умственной деятельности и связь научной лаборатории с жизнью» (начало 1930-х гг.) Павлов пояснял, что незнание законов деятельности головного мозга, того, в какой последовательности следует предъявлять голове трудные задачи, нагружать ее знаниями, приводит к тому, что «человек сдает, трещит, ломается». Между тем лабораторный опыт указывает «в каком порядке, в каком объеме знания и задачи должны быть предъявлены голове». Но в реальной нашей повседневной жизни, продолжал Павлов, это не учитывается и ломаются даже «сильные головы». Павлов имел в виду распространенное в 1920-е гг. явление – рабочие факультеты (рабфаки), на которые принимали плохо подготовленных, часто не имеющих серьезного школьного образования людей. С одной стороны в вузе не должно быть снижения уровня знания, а с другой – происходит постоянно, едва ли не ежегодная смена методов обучения. В результате происходит «шибка» нервной системы, развивается неврастения. А государство «снабжается» фиктивными специалистами. Между тем наука как «высшая руководительница жизни» должна отвечать возросшим требованиям. Но для выполнения этой задачи, подчеркивал Павлов, «наука должна быть, во-первых, абсолютно свободна в своей работе (потому что едва ли в человеческой натуре есть что другое более порождения именно **свободного** стремления, чем научное искание истины), а во-вторых, голос ее никогда ничем не должен быть заглушаем. А что же сейчас у нас? Говорится и пишется только то, что согласно с господствующей партийностью ...или с казенной философией»¹⁶.

Уместно напомнить, что в таком же духе высказался известный историк С. М. Соловьев, учитель В. О. Ключевского:

Жизнь имеет полное право предлагать вопросы науке. Наука имеет обязанность отвечать на вопросы жизни; но польза от этого решения для жизни

¹⁵ Павлов. Основы культуры животных и человека...

¹⁶ Академик Павлов. Закономерность умственной деятельности и связь научной лаборатории с жизнью. Цит. по: Григорьян. Иван Петрович Павлов... С. 258–259.

Семья Павловых. В первом ряду слева направо: Иван Петрович Павлов с братом Колей на руках, отец Петр Дмитриевич, мать Варвара Ивановна. Стоят слева направо: Петр Петрович, Дмитрий Петрович и Сережа

будет только тогда, когда, во-первых, жизнь не будет торопить науку решать дело как можно скорее, ибо у науки сборы долгие, и беда, если она ускорит эти сборы, и во-вторых, когда жизнь не будет навязывать науке решение вопроса, заранее уже составленное, вследствие господства того или иного взгляда; жизнь своими движениями и требованиями должна возбуждать науку, но не должна учить науку, а должна учиться у нее ¹⁷.

Еще один не менее показательный пример актуальности позиции Павлова в наши дни – неприятие им вмешательства властей в выборы новых членов Академии наук.

Павлов решительно возражал против недопустимого вмешательства власти в дела академии. Перед выборами новых академиков в 1929 г., основной целью которых было пополнение – «обновление» академии новыми членами-коммунистами, Павлов считал своим долгом «остановиться на важнейшей особенности предстоящих выборов новых членов АН». Заявление правительства перед выборами о желательности для него определенных кандидатов Павлов не принял. Он писал 10 октября 1928 г.:

¹⁷ Цит. по: Ключевский В. О. Памяти С. М. Соловьева. Очерки и речи. М., 1913. С. 51–52.

Мне представляется, что это подрывает достоинство Академии и тяжело ляжет на академиков... Нельзя не признать нашего теперешнего положения исключительно ответственным¹⁸.

Отвечая Павлову, президент АН А. П. Карпинский 11 октября 1928 г. писал в свое «оправдание»:

Сообщаю Вам, что мною сказано следующее. Приветствуя собрание, я заявил, что расширение избирательных прав сделано по почину самой Академии, что выборы, согласно Уставу, должны ограничиться лицами, труды которых имеют первостепенное научное значение и что вопросы политические не должны приниматься во внимание. Упомянув о недопустимости понижения звания академика, я заявил, что авторитет Академии за пределами нашей страны стоит высоко, о чем имеются определенные научно-литературные указания.

Искренне Вас уважающий А. Карпинский¹⁹.

Об уме вообще и о русском в частности

Две публичные лекции (15(28) апреля и 7(20) мая 1918 г.) Павлов посвятил общей характеристике ума и приложению его свойств к русскому уму. Не будучи ни историком русской культуры, ни психологом, Павлов обосновал свое право на обсуждение проблемы следующим. Вся его жизнь прошла и проходит в исследовательской лаборатории, он член трех ученых коллегий, он в постоянном общении с учеными, с тысячами молодых людей, посвятивших себя умственной и гуманной деятельности врача. В результате он «научился оценивать человеческий ум вообще и русский в частности». Главный же мотив избранной темы Павлов сформулировал так:

в переживаемое гнетущее время, в погребальный час великой России у интеллигенции – мозга родины – одна потребность, одна обязанность – охранять свое достоинство, а именно – смотреть на самих себя и окружающее без самообмана. Мой долг привлечь ваше внимание к моим жизненным впечатлениям и наблюдениям относительного русского ума²⁰.

Главное назначение ума, его задачи и свойства, приемы, согласно Павлову, – правильное видение действительности, ясное и точное познание ее и на этой основе предсказывание будущего и управление им. При этом Павлов пояснял, что научный ум пока мало влияет на жизнь. Наука совсем недавно заняла «первенствующее» место в немногих странах. История шла вне научного влияния и судьба государства от научного ума не зависела.

Общие свойства ума, согласно Павлову, суть следующие.

Чрезвычайное сосредоточение мысли, «безотступное думание – дни, недели, месяцы, годы, а в иных случаях для разрешения вопроса – всю жизнь. Как

¹⁸ Цит. по: Григорьев А. И., Григорьян Н. А. // Великий сын России. М., 2004. С. 234–235.

¹⁹ Там же. С. 235–236.

²⁰ Павлов И. П. Об уме вообще и о русском в частности // Российский физиологический журнал. 1999. № 9. 1123.

Интерьер комнаты И. П. Павлова в доме-музее в Рязани

яркий пример неотступного думания, Павлов приводил творчество И. М. Сеченова. Открыв в 1862 г. центральное торможение, Сеченов не расставался с думами о нем до конца жизни. В одном из писем 1890 г. он писал: «Самая удачная из всех лекций²¹, читанных мною за последние долгие годы – всего больше порадовал меня конец – удался опыт с угнетением рефлексов в самой что ни на есть резкой и доказательной форме – при абсолютном покое животного угнетение столь сильное, что отрезывание лам ножницами не дает и признаков движения»²². Свидетельство Н. Е. Введенского, ученика И. М. Сеченова по Петербургскому университету. «Случилось так, что учитель не появлялся в лаборатории 2–3 дня. Все забеспокоились. На вопрос Введенского “Вы были больны Иван Михайлович?” последовал ответ: “Нет, меня страшно занимает один вопрос, занимает настолько, что я не могу спать и боюсь сойти с ума”. Из моих распросов выяснилось, что его занимала теория состава легочного воздуха»²³.

Вместе с тем Павлов проявил критическое отношение к русскому уму. «Почему мы так много говорим, а результатов не видать. Русский ум не привязан к фактам. Он больше любит слова, живет словами»²⁴.

Беспристрастие, абсолютная свобода мысли. Но у нас нет подлинной свободы. «Разве представители в Государственной Думе не враги друг другу? Они

21 [Речь идет о лекции Сеченова «О центральном торможении».]

22 Сеченов И. М. Научное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 5. С. 264.

23 Введенский Н. Е. Собр. соч. М., 1982. Т. 6.

24 Павлов. Об уме... С. 123.

не политические противники, а именно враги. Стоит кому-либо заговорить не так, как думаете вы... Какая же эта свобода?»²⁵

Обстоятельность мысли. Между тем, говорил Павлов, «мы все достоинство полагаем в том, чтобы гнать до предела, не считаясь ни с какими условиями». Бесспорный факт, что свобода и дисциплина абсолютно равноправные вещи и у других наций всегда идут рядом, а у нас – свобода без дисциплины, – писал Павлов, – у нас в России идею социал-демократии свели к идее диктатуры пролетариата. Мозг, голову поставили вниз, а ноги вверх. То, что составляет культуру, умственную силу народа, то обесценено, а то, что пока является грубой силой, которую можно заменить и машиной, то выдвинули на первый план. И все это, конечно, обречено на гибель, как слепое отрицание действительности.

Стремление научной мысли к простоте, ясности. Смирение, покорность истине. Откуда у нас, славянофилов, спрашивал Павлов, гордость и уверенность, что Россия протрет глаза гнилому Западу.

Но жизнь нисколько не изменила наши взгляды. Разве мы не читаем чуть ли не каждый день, что мы авангард человечества? И не свидетельствует ли это, до какой степени мы оторваны, не знаем действительности... У нас нет силы идти по главной цели. В результате – несоответствие с окружающей действительностью. Если я не вижу действительности, то как же я могу соответствовать ей?²⁶

Павлов приводит убедительные примеры, свидетельствующие о том, что в отношении каждой черты ума

мы стоим на невыгодной стороне. Примеры! Вера в революцию. Разве это было ясное видение действительности со стороны тех, кто создавал революцию во время войны. Разве не было ясно, что война – сама по себе страшное и большое дело. Дай Бог, провести одно его. Разве были какие-либо шансы, что мы сможем сделать два огромных дела сразу – и войну, и революцию? Разве не сочинил сам русский народ поговорку о двух зайцах? До какой степени мы не знаем действительности, оторваны от нее, живем фантастически [...]

Возьмем Думу. Как только она собиралась, она поднимала в обществе негодование против правительства. Что у нас на троне сидел вырожденец, что правительство было плохое – это мы все знали. Но вы произносите зажигательные фразы, вы поднимаете бурю негодования, вы волнуете общество. Вы хотите этого? И вот вы оказались перед двумя вещами – и перед войной, и перед революцией, которых вы одновременно сделать не смогли, и вы погибли сами. Разве это видение действительности?²⁷

Павлов касается вопроса реформы армии. Социалистические группы считали своим долгом уничтожить вооруженную силу. Разве здесь было соответствие с действительностью? Военное дело – страшное дело, оно может совершиться только при исключительных условиях. Лишь твердой дисциплиной можно достигнуть того, что человек делает свое дело. «И тем не менее наши военные люди участвовали в развращении войска, разрушали дисциплину».

²⁵ Павлов. Об уме... С. 123.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

Еще один пример – Брестская история. Когда господин Троцкий проделал свой фортель, когда он заявил и о прекращении войны, и о демобилизации армии. Разве это не было актом огромной слепоты? Что же вы могли ждать от соперника, ведущего страшную, напряженную борьбу со всем светом. Как он мог иначе реагировать на то, что вы сделали себя бессильными? Было вполне очевидно, что мы окажемся совершенно в руках нашего врага. И, однако, от блестящего представителя нашей первой политической партии мы услышали, что это и остроумно, и целесообразно. Настолько мы обладаем правильным видением действительности²⁸.

Павлов осознавал, что нарисованная им характеристика русского ума мрачна.

Картина мрачна, но и то, что переживает Россия, тоже крайне мрачно. А я сказал с самого начала, что мы не можем сказать, что все произошло без нашего участия. Зачем, спросите, я читаю эту лекцию – что я наслаждаюсь несчастьем русского народа?

Я прочитал эту лекцию с целью показать, осознать то, что долг нашего достоинства осознать то, что есть. А другое – для будущего нам полезно иметь о себе представление. Нам важно отчетливо сознавать, что мы такое... Всегда полезно знать, кто я такой. Есть еще и отрадная точка зрения. Ведь ум животных и человека – это есть специальный орган развития. На нем всего больше сказываются жизненные влияния, и им совершеннее всего развивается как организм отдельного человека, так и наций. Следовательно, хотя у нас и были дефекты, они могут быть изменены. Это научный факт. Тогда и над нашим народом моя характеристика не будет абсолютным приговором. У нас могут быть и надежды, и некоторые шансы. После определенной практики, тренировки на наших глазах идет усовершенствование нервной системы, и очень большое.

Значит, невзирая на то, что произошло, все-таки надежды мы терять не должны²⁹.

Главная мысль, идея, развиваемая Павловым в лекциях об уме, сводится к тому, что только истинное научное познание и понимание действительности должно служить фундаментом действий, направленных на формирование и строительство справедливого гражданского общества.

И. П. Павлов о культурном государстве и гражданском обществе

Классики отечественной науки (и не только отечественной) основой государства считали науку, культуру и нравственность. Соответственно, во главе государства хотели видеть деятелей (возможно ученых) с основательными знаниями в области биологии и социологии, социальной психологии. Размышления на эту тему привели И. М. Сеченова к выводу (1883):

Наука всегда и везде представляет кульмиационный пункт духовного развития, всегда и везде служит верным пробным камнем на культурность расы.

Раз такая проба выдержана, раса сама собою вступает в семью культурных народов.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

Проблема государства и его роли в формировании гражданского общества, в развитии науки и образования, в поддержке выдающихся ученых составляет существенную часть общественно-политических взглядов Павлова. К этой проблеме Павлов возвращался постоянно и особенно обостренно на поворотных этапах истории России. При освещении общественно-политических взглядов Павлова следует исходить из положения, сформулированного им самим в письме в Совнарком 12 июля 1920 г.:

Я никогда политикой активно не занимался, никогда ни к какой партии не принадлежал. Но это не значит, что я закрываю глаза на окружающую меня действительность.

Первое выступление Павлова с требованием радикальных реформ в области науки и образования относится к январю 1905 г., когда он, только что удостоенный Нобелевской премии, вместе с другими учеными, в том числе 17 академиками, подписал «Записку 342-х». Основную причину «полного позора» России в русско-японской войне ученыe видели в «некультурности» и «неподвижности» русского общества. С этого времени и до конца своих дней Павлов настаивал на необходимости построения «сознательного, культурного» государства и гражданского общества. Государству, говорил Павлов, полезен и нужен только гражданин с чувством собственного достоинства и долга. Эталоном гражданина он считал Н. И. Пирогова. В 1907 г. в своей речи на заседании медицинских обществ Санкт-Петербурга, посвященном его памяти, Павлов говорил:

И мы, врачи, счастливы, что в своей среде имеем великого человека, имеем великий образец, который показывает нам, как надо жить, что можно делать и что должно делать ³⁰.

Малоизвестная, забытая речь Павлова о Пирогове занимает важное место в его публицистике – в ней впервые Павлов сформулировал представление о «сознательном», «культурном» государстве, о «школе государственности». Но для этого, пояснял Павлов, прежде всего необходимо ответить на вопросы:

Что такое достоинство, что такое сила? Что такое заслуги? Что такое жизненные дела?... Лишь тогда, – продолжал он, – когда члены известного общества начинают обращать серьезное внимание на своих крупных представителей, начинают чувствовать потребность их чтить, – тогда только общество входит в сознательный процесс жизни, начинает понимать главный механизм жизни. Тогда точно определяется, что можно сделать в тех или иных условиях, как должно делать при данных условиях, что составляет настоящую цель. Тогда только получается надлежащая расстановка людей, и главные пружины жизни даются только тем, кто может ими действовать, кто может их направлять. Поэтому первая школа государственности и есть культ почитания великих людей родины. Именно великие люди делают отечество и сильным, и уважаемым на исторической сцене.

Только таким образом получается и вырабатывается правильное представление о силе и достоинстве данного государства – не по случайному субъе-

³⁰ Павлов. Избр. труды... С. 34.

ктивному настроению массы, а по числу и размеру талантливых представителей данного государства³¹.

Эту же мысль – о почитании великих людей – подтвердил Павлов спустя 23 года, в связи с кончиной И. Е. Репина.

Когда мы любим, гордимся отечеством – это значит, что мы любим, гордимся его великими людьми, т.е. теми, которые сделали отечество и сильным, и уважаемым на исторической сцене. Наша скорбь на этот раз особенно, вдвойне тяжела. Прекратилась деятельность великого человека, это – одно. Другое – а придут ли на смену ему другие? Вот терзающий душу вопрос³².

«Россия, – продолжал Павлов, имея в виду освободительное движение начала XX в., – только вступает в период расширения гражданских прав и поэтому необходимо в особенности проникнуться» школой государственности. Именно естествознание и медицина, был уверен Павлов, являются той «чрезвычайной благодатной почвой», на которой расцветают талантливые натуры. Пирогов учил, что «у нас одно спасение, одно достоинство – это правда, ничем не прикрыта правда»³³. Пирогов был не только творцом хирургии, – говорил Павлов, – но и талантливейшим военно-медицинским администратором, организатором науки и образования, великим педагогом. Именно поэтому первой и главнейшей задачей, целью он считал воспитание и образование нравственной личности.

Но для того, чтобы общество испытывало воспитывающее и направляющее влияние таких личностей, как Пирогов, необходимо, чтобы «каждый» из нас знал их жизнь «шаг за шагом, слово за словом»³⁴.

Здесь уместно напомнить принципиальную позицию Пирогова относительно взаимодействия государства и общества, власти и оппозиции. Первоочередным он считал «ослабление» антагонизма между государством и обществом, которое является главной причиной социальной напряженности и смуты в стране. Пирогов требовал широкого общественного представительства в государстве, возрождения нравственности – только на нравственной основе можно строить счастье и благополучие общества и человека.

Вместе с тем жизненно необходимым для России Пирогов считал сильную власть и добросовестную оппозицию.

Я не могу ни в чем против государства упрекнуть себя, – говорил он, – если только не назовут противоправительственным независимый образ мыслей, приводивший меня к анализу и неодобрению разных правительстенных мер и распоряжений. Но я всегда был убежден, что ни правительству, ни верховной власти не опасны честные люди с независимым и свободным образом мыслей. Правительство может смотреть на них, как на кровеную добросовестную оппозицию, а такая оппозиция, я полагаю, при всяком образе правления полезна и необходима³⁵.

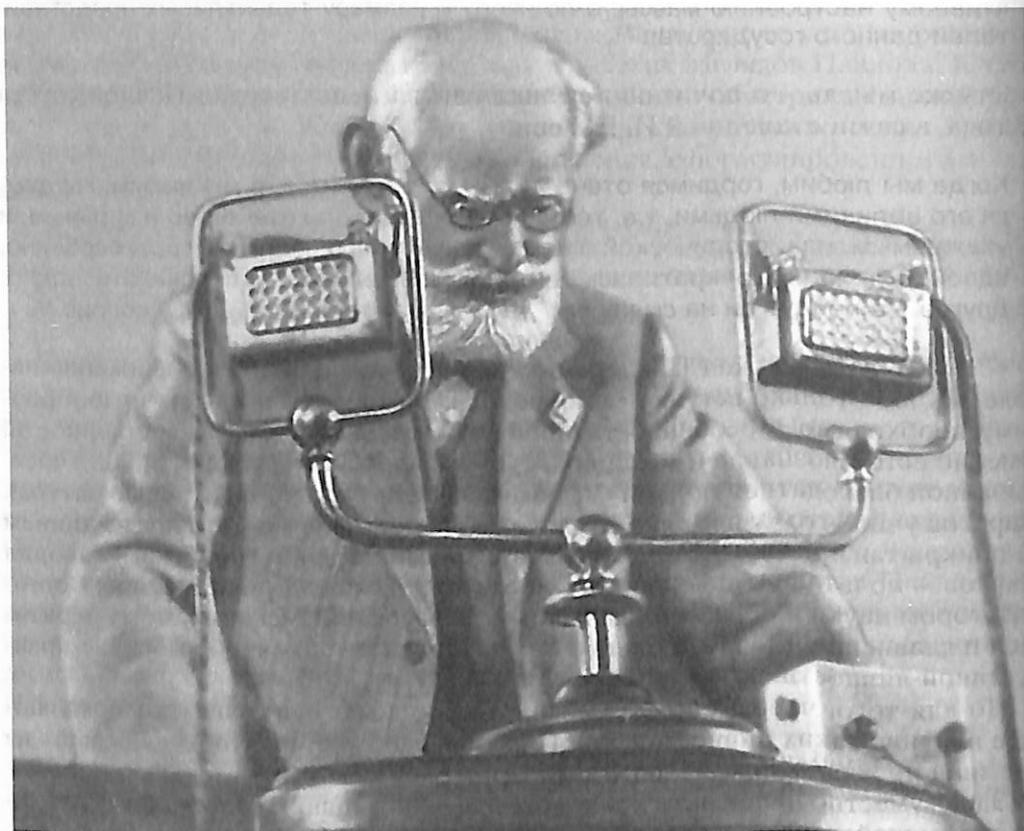
³¹ Там же. С. 33.

³² Переписка И. П. Павлова. Л., 1970. С. 358.

³³ Там же. С. 35.

³⁴ Там же. С. 36.

³⁵ Пирогов Н. И. Дневник старого врача // Пирогов Н. И. Собр. соч. Киев, 1910. Т. 2. С. 345–346.

*И. П. Павлов открывает XV Международный физиологический конгресс
(август 1935 г.)*

«Независимость и самоуважение, – писал А. С. Пушкин, – одни могут нас возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы»³⁶.

«Дневник старого врача» – свою исповедь – Пирогов начал писать 5 ноября 1879 г., а оборвал 2 марта 1881 г.

Зверское убийство Александра Второго не дает спокойно продолжать свою биографию... Все переходы, перевороты и катастрофы общества всегда отражаются на науке и образовании³⁷.

Утверждение Пирогова о том, что сильная власть возможна при сильной оппозиции, особенно актуально в наши дни.

Мысль о том, что именно наука и ученые определяют силу и культурность государства, спустя полвека после Павлова повторил его единомышленник – П. Л. Капица. В письме Н. С. Хрущеву в 1957 г. он писал:

³⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука, 1978. Т. 7. С. 286.

³⁷ Пирогов. Собр. соч. Т. 1. С. 520.

История человечества неизменно показывает, что страны с большим международным культурным влиянием в первую очередь имеют ведущую науку. Сейчас, если наши футболисты хорошо забивают мячи в ворота иностранцам, наши боксеры хорошо дерутся, а наши балерины лучше всех крутятся и прыгают, то все это нам очень приятно и лестно, но все же это не убедительное доказательство нашей передовой культуры. Только когда мы достигнем признания нашей науки как ведущей, это нам даст в мире положение страны, построившей у себя наиболее передовой социальный строй общества³⁸.

Проблемы построения культурного государства, гражданского общества, уважения к личности человека, его свободы, занимали Павлова всю жизнь. Будучи современником великих успехов СССР в индустриализации страны, Павлов не мог быть равнодушным наблюдателем того, как «трещит, ломается» человек на великих стройках. В речи, посвященной 100-летию со дня рождения И. М. Сеченова на заседании Общества российских физиологов 26 декабря 1929 г. в Ленинграде, Павлов говорил:

Мы живем под господством жестокого принципа: государства, власть – все. Личность обывателя – ничто. Жизнь, свобода, достоинство, убеждения, верования, привычки, возможность учиться, средства к жизни, пища, жилище, одежда – все в руках государства. А у обывателя только беспрекословное повиновение. Естественно, господа, что все обывательство превращается в трепещущую, рабскую массу... Но на таком фундаменте, господа, не только нельзя построить культурное государство, но на нем не могло бы держаться долго и какое бы то ни было государство.

Без Иванов Михайловичей с их чувством собственного достоинства и долга всякое государство обречено на гибель изнутри, несмотря ни на какие Днепрострои и Волховстрои. Потому что государство должно состоять не из машин, не из пчел и муравьев, а из представителей высшего вида животного царства – *homo sapiens*³⁹.

В беседе с Горьким осенью 1931 г. (Горький в сопровождении известного хирурга И. И. Грекова, друга Павлова, посетил Павлова в его квартире на 7-й линии Васильевского острова) основной темой беседы были: человек, его судьба, счастье, его воспитание и образование. Согласно Павлову, счастье человека «где-то между свободой и дисциплиной». Свободе и развитию человека не должны мешать ни ложные идеи, ни классовые, ни национальные чувства.

Горький говорил о «новом человеке», который выковывается на «новой почве», на великих стройках. На монолог Горького о воспитании нового человека Павлов ответил:

Когда так много говорят о новых фабриках и стройках, о пятилетках, то забывают основное: люди, обслуживающие эти фабрики и пятилетки, остаются на втором плане, человек в этих условиях превращается в машину. Между тем государству может быть полезным только гражданин с чувством собственного достоинства, с твердыми убеждениями. Нельзя мешать развитию личности, подгонять всех под середняков [...] Попробуйте Пушкина заставить жить

³⁸ Капица П. Л. Письма о науке. М.: Моск. рабочий, 1989. С. 314.

³⁹ Там же. С. 42.

и писать по определенной программе. Ведь из этого ничего не выйдет... Пушкин захищает... Не мешайте человеку, отпустите его на свободу. Людей, людей не забывайте, вот о чем я волнуюсь⁴⁰.

В письме наркому здравоохранения России Г. Н. Каминскому от 19 декабря 1934 г., в котором Павлов выражал благодарность за поздравление в связи с 85-летием со дня рождения, он не удержался от того, чтобы не подчеркнуть коренное различие в их оценке Октябрьской революции. У него самого, отметил Павлов, чувства почти прямо противоположны чувствам Каминского, которому революция «вселяет бодрость чудесным движением вперед Родины». Отрицательные последствия революции Павлов видел в

многолетнем терроре и безудержном своеволии власти, превращающих нашу и без этого довольно азиатскую натуру в позорно-рабскую. Я видел и вижу постоянно много чрезвычайных примеров этого. А много ли можно сделать хорошего с рабами? Пирамиды да: но не общее истинное человеческое счастье⁴¹.

Проблема психического здоровья в центре внимания И. П. Павлова. Рефлекс цели

Вступительную лекцию 1913/14 учебного года в Военно-медицинской академии 13 сентября 1913 г. Павлов посвятил такому существенно важному общественному явлению как самоубийства – «великой печали русской жизни, о котором нельзя не думать»⁴². Самоубийства увеличиваются и в Европе, но не в такой степени, как в России, с горечью констатировал Павлов. Серьезно заинтересовавшись таким «странным» явлением, как самоубийство (инстинкт всего живого тянет жить насколько возможно дольше), Павлов задумался над его причинами и стал целенаправленно подбирать материал. Оставляя в стороне основную и первую причину (по свидетельству психиатрии – это болезнь нервной системы), Павлов останавливается на социальных причинах такого «странныго» явления. Оказывается существует в некоторых странах понижение интереса к жизни как общеноционального явления, «страшная дешевка жизни». Так, в Китае существует такой «сказочный» факт – можно нанять за себя человека на смертную казнь.

Самоубийство как общественное явление встречается постоянно и повсеместно и имеет историю, следовательно, оно имеет постоянные причины. Расстройство, болезнь нервной системы в XX в. в большей степени, чем прежде, связаны с изменениями, усложнением норм жизни, особенно в «нашей русской жизни». Павлов отмечал, что те два больших испытания – две большие перемены жизни, которые народ России пережил за последние 50 лет – отмена крепостного права и революция, очень тяжело оказались на нервной системе русских.

В то время как в Западной Европе уже выработаны известные сопротивления против всяких изменений, у нас этого нет. У нас чрезвычайная разница с Европой по отсутствию правил, облегчающих жизнь. У нас нет этих правил

⁴⁰ И. П. Павлов в воспоминаниях современников... С. 351.

⁴¹ СПбФ АРАН. Ф. 259. Оп. 7. Д. 314. Л. 1.

⁴² Павлов. Избранные труды... С. 243.

для облегчения нервной системы, чтобы человек получил меньше толчков, потрясений.

Я приведу пример. При культурной жизни можно иметь какие угодно мнения, убеждения, и это не является каким-нибудь источником злобных чувств. Люди всяких мыслей встречаются приятелями. А вы знаете, как у нас? У нас человек других с нами убеждения – это наш враг. Это, конечно, ведет к тому, что лишний раз треплется у человека нервная система. И так в массе случаев. Все это ведет к тому, что наша жизнь очень тяжела⁴³.

Революция 1905–1907 гг. как страшная разрушительная сила, согласно Павлову, многое изменила, взволновала людей, а приемов, облегчающих это волнение, не дала.

И нервная система русского человека так и осталась во власти этих кризисов, ударов... Это дает хорошую почву для увеличения самоубийств... господа, кончающие с собой, отличаются нервностью. Итак, вот причины: пережитые нами кризисы и отсутствие у нас регулирующих жизнь ежеминутных правил⁴⁴.

Павлов советовал для профилактики и предупреждения самоубийств воспользоваться выработанными в Западной Европе элементами культурной жизни, конкретно – спортом. Занятие спортом – это возврат к основной деятельности организма – мускульной – ведет к урегулированию нервной деятельности, а «в русской жизни совершенно не осознано, что судьба жизни страшно зависит от маленьких житейских правил»⁴⁵, – сожалел Павлов. На собственном примере он не раз убеждался, как физическая работа (работа в саду) и спорт (городки) выручали его от умственного и нервного напряжения.

Вторая, не менее, а, может быть, и самая важная причина самоубийств – потеря интереса к жизни, разочарование. Корень явления кроется в физиологии. И тут впервые Павлов развивает представление о новом рефлексе – рефлексе цели, по поводу чего он писал:

Я убежден, что в человеческом организме существует, помимо известных инстинктов, например, к жизни и т. д., существует еще стремление, плохо сформулированное, мало отмеченное, но в высшей степени важное. Это – стремление, этот инстинкт я называю инстинктом достижения цели. Животное, как и человека, что-то толкает достигать раз поставленную цель. Это такая же потребность, как потребность в еде, половых сношениях и т. д.⁴⁶

Муравей создает муравейник, птица – гнездо. Эти факты убеждают, что у человека и животного имеется инстинкт достижения цели. На каждом шагу жизни «дает себя знать этот инстинкт как в малом, так и большом».

Я прихожу к убеждению, что в человеческой натуре существует и инстинкт достижения цели и сознание этого инстинкта, правильная практика его есть одна из задач человеческой жизни и условий человеческого счастья⁴⁷.

⁴³ Павлов И. П. О самоубийствах. Цит. по: Григорьян. Иван Петрович Павлов... С. 244.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 245.

⁴⁶ Там же. С. 245–246.

⁴⁷ Там же. С. 246.

Нации различаются по степени развития рефлекса достижения цели, в первых рядах те нации, у которых этот инстинкт хорошо развит, Павлов назвал англо-саксонскую и еврейскую. Основной задачей, поставленной перед русским народом, Павлов считал практику инстинкта достижения цели, ибо вся сила, вся краса жизни определяется им. В силу различных исторических причин этот инстинкт не мог у нас развиваться, но Павлов выражал надежду, не сомневаясь, что настали лучшие времена для развития у русских инстинкта достижения цели.

Крепостное право, слава Богу, уничтожено. Непременное опекание бюрократии тоже отходит в область предания. Следовательно, и явление самоубийства лишается социальных корней. Но для этого необходимо, чтобы человек знал, что существует такой инстинкт, что его надо сознавать и беречь. Имея цель, человек не разочаруется в жизни и до конца дней своих будет «гореть» целями и «перед смертью вспоминать о своих недоконченных делах»⁴⁸.

Мысль о новом открытом им «рефлексе достижения цели» и необходимости его широкой пропаганды в обществе стала предметом «неотступного думания» Павлова. Знание рефлекса цели необходимо педагогам, должно стать основой системы воспитания. Однако империалистическая война помешала выступлению Павлова среди педагогов. И только 2 января 1916 г. Павлов выступил с докладом «Рефлекс цели» на III съезде по экспериментальной педагогике.

Особое место в творчестве Павлова занимают две работы: «Рефлекс цели» (1916) и «Рефлекс свободы» (1917), до последнего времени мало привлекавшие внимание исследователей его творчества. Открытые им рефлексы «цели» и «свободы» Павлов относил к безусловным (врожденным) рефлексам, изучение которых наряду с другими безусловными рефлексами считал неотложной задачей физиологии.

К мысли о необходимости признания особого «рефлекса цели» Павлов пришел на основании наблюдения и анализа поведения людей. И как следует из его вступительной лекции 13 сентября 1913 г., эту идею он вынашивал давно, анализируя причины такого противоестественного социального явления, как самоубийство.

Как и Пирогов, Павлов считал, что лечение социальных недугов требует знания истинных причин – беспощадной правды в анализе и оценке явления. И в этом «одно спасение, одно достоинство – ничем не прикрытая правда».

«Рефлекс цели» Павлов определил как стремление к обладанию определенным раздражающим предметом. Намереваясь в будущем приступить к экспериментальному изучению его на животных, Павлов счел необходимым обсудить этот вопрос, опираясь на факты из повседневной жизни человека. «Рефлекс цели» Павлов рассматривал как важный фактор поведения, как проявление важнейшего стимула жизни. Именно поэтому практические сведения о нем очень нужны всем, а в России в первую очередь в «капитальнейшей» области – области воспитания. Именно поэтому он выступил с докладом «Рефлекс цели» на III съезде по экспериментальной педагогике в Петрограде 2 января 1916 г.

Содержание доклада Павлова сводится к следующему. В своей жизни человек преследует разные цели: высокие, низкие, важные, пустые. Отмечая от-

⁴⁸ Павлов. О самоубийствах... С. 248.

И. П. Павлов с выдающимися физиологами – участниками XV Международного физиологического конгресса. Слева направо: (?), Луи Лапик, И. П. Павлов, Арчibalд Хилл, Уолтер Кенон, Отто Франк

существие прямого соотношения между затрачиваемой энергией и важностью цели, Павлов говорил о том, что сплошь и рядом на совершенно пустые цели тратится огромная энергия и наоборот. Человек нередко действует с «одинаковым жаром» как для великой, так и пустой цели. В связи с чем необходимо отделить самый акт стремления от смысла и ценности цели. Подчеркивая особенно яркое проявление «рефлекса цели» в страсти коллекционирования, Павлов связывает вопрос о его происхождении с общим инстинктом жизни. Жизнь направлена на осуществление одной цели – сохранение самой жизни, самосохранение. В основе инстинкта жизни заложены положительные двигательные рефлексы, имеющие целью использовать благоприятные для жизни условия, использовать эти условия для сохранения жизни, т. е. хватательные рефлексы. Самые сильно выраженные среди них – это пищевой и ориентировочный (исследовательский) рефлексы. В результате ежедневной и неустанной работы, тренировки этих рефлексов в процессе эволюции выработался и наследственно укрепился обобщающий хватательный рефлекс в отношении всякого предмета, ставшего времененным раздражителем. Проводя параллель между типическим «рефлексом цели» – коллекционированием, и главным хватательным пищевым рефлексом, Павлов подчеркивает общее между ними – стремление к объекту, периодичность рефлекса.

Отмечая огромное жизненное значение «рефлекса цели», Павлов писал:

Жизнь только для того красна и сильна, кто всю жизнь стремится к постоянной достижимой, но никогда не достижимой цели... Вся жизнь, все ее улучшение, вся ее культура делается рефлексом цели, делается только людьми,

стремящимися к той или другой поставленной ими себе в жизни цели. Ведь коллекционировать можно все, пустяки, как и все важное и великое в жизни: удобства жизни (практики), хорошие законы (государственные люди), знания (образованные люди), научные открытия (ученые люди), добродетели (высокие люди) и т. д.⁴⁹

Но когда исчезает цель, теряется и смысл жизни, жизнь перестает привязывать к себе человека. Именно в этом причина самоубийств.

Очень важным считал Павлов – и в этом весь смысл и императив его выступления – известное напряжение рефлекса цели у каждого. Проводя аналогию с пищевым рефлексом, когда правильным режимом и хорошим качеством питания обеспечивается здоровый, сильный аппетит – нормальный пищевой рефлекс, Павлов убеждает, что такие хорошие условия необходимы и для формирования и усиления рефлекса цели.

При продолжительном ограничении в удовлетворении основных влечений, при постоянном сокращении работы основных рефлексов, падает даже инстинкт жизни, привязанность к жизни. И мы знаем, как умирающие в низших, бедных слоях населения спокойно относятся к смерти⁵⁰.

Проблема психического здоровья нации особенно актуальна для России. Согласно Павлову, отрицательные черты русского характера: леность, непредприимчивость, равнодушие, неряшливое отношение к работе – все это является наносным, «проклятым наследием крепостного права». «Крепостное право, – считал Павлов, – сделало из барина тунеядца, из крепостного совершенно пассивное существо, без жизненной перспективы». Павлов говорил, что наиболее ярко рефлекс цели развит у англосаксов, у них он максимально напряжен. Главным условием достижения цели англосакс считает существование препятствий, он вообще игнорирует невозможность достижения цели. «Как это далеко от нас, – с горечью признавал Павлов, – у которых “обстоятельства” все извиняют, все оправдывают, во всем примиряют»⁵¹. Вместе с тем свои размышления Павлов заканчивает на оптимистической ноте:

И мечтается мне дальше. Испорченный аппетит, подорванное питание можно поправить, восстановить тщательнейшим уходом, специальной гигиеной. То же может и должно произойти с загнанным исторически на русской почве рефлексом цели. Если каждый из нас будет лелеять этот рефлекс в себе как драгоценнейшую часть своего существа, если родители и все учительство всех рангов сделают своей главной задачей укрепление и развитие этого рефлекса в опекаемой массе, если наша общественность и государственность откроют широкие возможности для практики этого рефлекса, то мы сделаемся тем, чем мы должны и можем быть, судя по многим эпизодам нашей исторической жизни и по некоторым взмахам нашей творческой силы⁵².

Основанием для доклада Павлова «Рефлекс свободы» в Петроградском биологическом обществе в мае 1917 г. послужили опыты М. М. Губергрица.

⁴⁹ Павлов. Избранные труды... С. 363.

⁵⁰ Там же. С. 364.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 365.

Изучение рефлекса свободы необходимо для систематизации всех прирожденных рефлексов как фундамента, на котором держится все здание приобретенных (условных) рефлексов. Павлов считал, что существующая классификация врожденных рефлексов слишком общая и неполная, поэтому необходимо тщательное описание и полный перечень и новая систематизация всех врожденных рефлексов. Не занимаясь специально врожденными рефлексами, лаборатория Павлова, тем не менее, занималась серьезным изучением отдельных случаев. На основе опытов Губергрица у одной из собак было установлено наличие состояния, названное «рефлексом свободы». В отличие от других подопытных собак, в продолжение целого месяца у собаки Губергрица при выработке условного рефлекса наблюдалось самопроизвольное слюноотделение и одышка, что мешало проведению опыта. Это слюноотделение и одышка были оценены как общее возбуждение животного – очевидный аналог общего волнения человека с той лишь разницей, что потоотделение заменяется у собаки слюноотделением. Лишь через три месяца, в течение которых вся порция пищи собаке давалась только в станке, удалось побороть резко выраженный рефлекс свободы. Но не совсем. И только после содержания собаки еще 4,5 месяца в отдельной клетке, где она кормилась, рефлекс свободы был, наконец, окончательно подавлен и с собакой можно было работать, ставить опыты.

Наряду с рефлексом «свободы» Павлов допускал существование рефлекса «рабства». Например, нарочитая пассивная поза слабейшего ведет к падению агрессивной реакции сильнейшего, тогда как сопротивление слабейшего только усиливает разрушительное возбуждение сильнейшего.

Вопросы врожденного поведения (конкретное проявление в форме рефлекса «цели» и «свободы»), особенности русского ума и характера волновали Павлова как ученого и гражданина. Этими вопросами Павлов занимался именно в поворотные периоды жизни страны: в годы революционного движения, Первой мировой и гражданской войн. Не имея необходимых условий для проведения полноценной исследовательской деятельности в кризисные периоды жизни страны, Павлов размышлял о жизни, о поведении людей в трудных ситуациях, о проблемах, представляющих общечеловеческий и национальный интерес. Неслучайно в одном из своих писем периода Первой мировой войны (1915) Павлов писал, что судьбы человечества, его жизни и культуры волнуют его «покрепче» условных рефлексов.

К вопросам врожденного поведения, изучения врожденных рефлексов «цели» и «свободы» ни Павлов, ни его ученики впоследствии не обращались. После известного постановления Ленина от 24 января 1921 г., когда были созданы наиболее благоприятные условия для исследований, школа Павлова целиком была поглощена изучением условно-рефлекторной деятельности, приобретенным поведением.

Изучение врожденного поведения стало предметом других школ и направлений, конкретно – этологии (К. Лоренц, Н. Тинберген).

Между тем значение рефлексов «цели» и «свободы» значительно шире физиологического, они представляют в большей мере социальный интерес и заслуживают изучения со стороны биологов, психологов и социологов. Социологию Павлов считал самой сложной, самой трудной наукой, которую предстоит еще разработать «сполна». При этом она должна опираться на естественные науки, физиологию и биологию. На основе анализа природы

рефлексов «цели» и «свободы» Павлов подчеркивал их роль в активном, целенаправленном поведении. Эти особенности – активность и целенаправленность поведения – как основы здоровой и счастливой сознательной жизни следует развивать с самых ранних лет. На этой основе должна быть построена, считал Павлов, вся система педагогики, воспитания подрастающего поколения.

Наука и демократия

Сегодня модно и считается хорошим тоном отрицать все то хорошее, что было в СССР, и прежде всего, в области науки и образования, в частности уважительное отношение к науке и ученым. Принципиально важна в связи с этим оценка Павловым состояния науки и ученого, отношения властей к науке в царской России и в СССР. Павлов служил науке и образованию более 60 лет, из них 43 года в дореволюционной России и 19 лет в СССР.

Доказательства политического развала, негодность старого строя, позор «распутинщины» возвращали Павлова к мыслям о свободной, демократической России. Именно поэтому Павлов восторженно приветствовал Февральскую буржуазно-демократическую революцию. Настроение и душевное состояние ученого в этот период отражены в его выступлениях в марте-апреле 1917 г.

В речи на организационном собрании общества «Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук» 28 марта 1917 г. в Петроградском женском медицинском институте (ныне Петербургский медицинский университет им. И. П. Павлова) Павлов с надеждой говорил о будущем России и об обязанностях каждого, кто любит свое Отечество. Свою речь Павлов начал так:

Россия переживает сейчас трепетный период освобождения, период свободных рук: делай из себя что хочешь и что можешь. Но сейчас же неотложно всем нам нужно быть проникнутым беспрестанным сознанием, что после того, как рухнуло – и так легко – совершенно прогнившее здание старого государственного порядка, на всех нас легла подавляющая своею грандиозностью, даже устрашающая задача – заложить правильные, безошибочные основы нового здания справедливой, счастливой и сильной России ⁵³.

Люди науки должны быть поглощены думами о положении и интересах науки при новом строем. Далее, говоря о том, что самодержавное правительство, оберегая изживший принцип самодержавия, боялось всех видов просвещения и всячески ему мешало, Павлов высказывал надежду, «что в демократической России, при демократическом правительстве в отношении науки все изменится радикально» ⁵⁴, что русская наука получит огромный источник сил и только тогда можно будет точно подсчитать, какова производительность русского народа в области науки. Поскольку развитие науки в новых условиях требует расширения сети научно-исследовательских институтов, Павлов призывал российских меценатов, по примеру состоя-

⁵³ Неопубликованные и малоизвестные материалы И. П. Павлова. Л.: Наука, 1975. С. 75.

⁵⁴ Там же. С. 76.

тельных граждан США и Европы, включиться в дело создания в российских столицах достойных революции памятников – научно-исследовательских институтов.

Эти же мысли развивал Павлов в своем приветствии Первому съезду физиологов России 6 апреля 1917 г. как председатель его организационного комитета. Павлов подчеркивал

...Теперешнее исключительное состояние России. Мы только что расстались с мрачным, гнетущим временем. Довольно Вам сказать, что этот наш съезд не был разрешен к Рождеству и допущен на Пасхе лишь под расписку членов организационного комитета, что на съезде не будет никаких политических резолюций. Этого мало. За два-три дня до нашей революции окончательное разрешение последовало с обязательством накануне представить тезисы научных докладов градоначальнику. Слава Богу, это – уже прошлое и, будем надеяться, безвозвратное⁵⁵.

Приветствие Павлов закончил на оптимистической ноте:

Теперь нельзя бояться такой демократии, которая бы позабыла про вечно царственную роль науки в человеческой жизни.

Мы не можем не ждать, мы должны ждать при новом строем нашей жизни чрезвычайного усиления средств всякого рода для научной деятельности. А раз так, то для нас встает новый повод усилить нашу рабочую энергию до высшей степени⁵⁶.

Важно подчеркнуть своеобразие ситуации в физиологии, состоящей в том, что ни один крупный физиолог не эмигрировал после Октябрьской революции. Более того, лидеры крупных физиологических школ (В. Я. Данилевский, А. А. Ухтомский, Л. А. Орбели, А. Ф. Самойлов, И. С. Бериташвили) приняли революцию. В 1920-е гг. шло формирование новых оригинальных школ и направлений. И действительно, до конца 40-х гг. XX в. физиологические школы в СССР имели большие достижения и мировое признание.

Павлов считал, что Родине, особенно в трудные годы, нужны талантливые молодые люди. Именно Павлову обязаны мы в значительной степени тем, что П. Л. Капица остался на родине.

Наука интернациональна, но ученый имеет родину. В «неотступном думании» в выборе «родина или наука» для Павлова не было или-или, а только «и наука и родина». Более того! Прежде – Родина.

Я был, есть и остаюсь русским человеком, сыном родины, ее жизнью прежде всего интересуюсь, ее интересами живу, ее достоинством укрепляю свое достоинство... Когда передо мною стал вопрос: быть или не быть родине, когда я боялся за судьбы родины, только тогда я почувствовал, до какой степени вся моя деятельность, хотя по сути своей интернациональна, до какой степени она связана с достоинством и интересами родины... Я потерял основной смысл своей научной деятельности при мысли, что родина погибла. Для кого же я тогда стараюсь?⁵⁷

⁵⁵ Павлов. Избр. труды... С. 36–37.

⁵⁶ Там же. С. 37.

⁵⁷ Григорьян. Иван Петрович Павлов... С. 145.

Октябрьскую революцию Павлов не принял. В речи на могиле художника Н. А. Дубовского в 1918 г. он сказал:

Нет более тяжелого удара по сердцу, чем гибель Родины. Эта гибель зло и, верно, обеспечена неукротимой и более неодолимой силой корыстных, низких влечений, легкомысленно и недобросовестно разбуженных и лишенных узды, в огромной темной массе русского народа. А родина дорога! ⁵⁸

Павлов и Советская власть

До начала 1930-х гг. взаимоотношения между учеными и Советской властью отличались взаимной «бранью». Наиболее показательным в этом отношении является комментарий членов редколлегии журнала «Научное слово» (Н. И. Бухарин, И. К. Луппол, О. Ю. Шмидт и др.) к статье ученика Павлова Ю. П. Фролова, посвященной 80-летию со дня рождения учителя:

Советская и научная общественность, отдавая должное академику И. П. Павлову как ученому, не может... пройти мимо той реакционной и враждебной позиции, которую занимает маститый ученый по отношению к советскому строю и строительству социализма в нашей стране... Будучи великим и передовым в науке, почтенный юбиляр оказывается отсталым реакционером в социально-политических взглядах ⁵⁹.

Как свидетельствуют опубликованные и главным образом неопубликованные (до 90-х гг. XX в.) документальные материалы, социально-политические взгляды Павлова пережили определенную эволюцию: от открытого неприятия Октябрьской революции к конструктивному сотрудничеству с Советской властью.

На первом этапе (1917–1932) в публичных лекциях и речах, выступлениях, в переписке с Н. И. Бухарином и В. М. Молотовым отражена постоянная тревога Павлова за судьбу и будущее России.

На втором этапе (1932–1936), в период подготовки и проведения XV Международного физиологического конгресса в СССР (август 1935 г., Ленинград) Павлов неоднократно высказывался о взаимоотношениях между властью и наукой, между правительством и учеными. Теперь он высоко оценивал эти взаимоотношения.

1932 год явился поворотным во взаимоотношениях Павлова с властью. Почему? Определяющей причиной, на наш взгляд, явилось то, что Павлов будучи членом организационного комитета внес предложение провести очередной, XV Международный конгресс физиологов в СССР.

Физиологи России принимали участие в работе международных конгрессов как до революции, так и в советские годы. Новая власть очень хотела скорее показать мировому научному сообществу достижения и успехи советской физиологии. Попытки созвать очередной конгресс в СССР делались отдельными учеными в 1920-е гг.: на XII (1926), в Стокгольме и на XIII в Бостоне (1929) международных конгрессах. Однако, по свидетельству Б. М. Завадовского, в советской делегации не было единства. Павлов держался независимо, что ме-

⁵⁸ Григорьев, Григорьян. Великий сын России... С. 232.

⁵⁹ Научное слово. 1929. № 10. С. 97.

шало приглашению очередного конгресса в СССР. Павлов считал, что Советский Союз не готов к проведению конгресса, нет необходимых условий. И только на XIV Международном конгрессе (сентябрь 1932 г., Рим) Павлов внес предложение-приглашение. В отчете в Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК Союза ССР 20 ноября 1932 г. о заграничных командировках Павлов писал:

Главной целью моей заграничной поездки в текущем году было сообщение соответствующим специалистам, собравшимся на их конгрессы, результаты моей с моими сотрудниками работы по физиологии и патологии высшей нервной деятельности, что я и выполнил.

В Копенгагене на Международном конгрессе психологов я сообщил о наших последних работах по так называемой нами системности в деятельности больших полушарий с ее субъективными коррелятами. В Копенгагене же на Скандинавском конгрессе неврологов, по их горячей просьбе, рассказал о наших лабораторных неврозах на собаках. И наконец, в Риме на Международном конгрессе физиологов сделал общий систематизированный обзор основных результатов тридцатилетней работы заведуемых мною лабораторий по физиологии и патологии высшей нервной деятельности.

Кроме того, состоя членом Международного организационного комитета международных физиологических конгрессов, провел в нем назначение следующего конгресса в 1935 году у нас⁶⁰.

Знаменательно, что Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР обратил главное внимание в отчете Павлова именно на момент приглашения.

Ученый комитет... выражает особенное удовлетворение по поводу того, что при Вашем содействии созыв следующего международного конгресса, назначенного на 1935 год, состоится в пределах СССР⁶¹.

На правительственном приеме в Кремле делегатов XV Международного физиологического конгресса 17 августа 1935 г. Павлов в своей речи говорил об «исключительно благоприятном положении науки в СССР»⁶². Науку уважает и ценит весь народ и в этом заслуга правительства, подчеркивал Павлов. В заключение он предложил тост «за единственное правительство в мире, которое ценит и горячо поддерживает науку»⁶³. Таким образом, решающую роль в эволюции взглядов Павлова на Советскую власть сыграл XV Конгресс.

По свидетельству ученика и друга Павлова академика Л. А. Орбели, Павлов публично высказывал только то, что было достаточно продуманным и проверенным. В значительной степени это относится к его речи на приеме в Кремле. Согласно Орбели, эта речь в Кремле явилась конечной оценкой Павловым хода событий, основанной на 18-летнем наблюдении:

Тут уже перед лицом всего мира, – говорил Орбели, – Иван Петрович высказывает свои новые политические взгляды и свое отношение к ходу исторических событий. Эта речь особенно интересна потому, что Иван Петрович, работая в

⁶⁰ Переписка И. П. Павлова... С. 40–41.

⁶¹ Там же. С. 41.

⁶² Там же. С. 30.

⁶³ Там же. С. 31.

течение 18 лет в условиях одной социальной и политической перестройки, должен был стать свидетелем гражданской войны, попыток к интервенции, контрреволюционных выступлений, которые сильно препятствовали ходу перестройки... Все эти трудные моменты вызывали у Ивана Петровича неоднократные вспышки страха за судьбы родины, русского народа, боязни культурной и политической деградации... и давали ему повод для случайных, иногда резких и мало обоснованных высказываний в домашнем кругу⁶⁴.

Необходимо, конечно, уточнить, что, как свидетельствуют опубликованные в 90-х годах XX в. публичные выступления Павлова, особенно в 1917–1929 гг. Павлов «бранил» власть большевиков не только в узком семейном кругу.

Свое новое отношение к советской власти Павлов выразил в письме к молодежи в декабре 1935 г., которой завещал:

Наша родина открывает большие просторы перед учеными, и нужно отдать должное – науку щедро вводят в жизнь в нашей стране. До последней степени щедро.

Что же говорить о положении молодого ученого у нас? Здесь ведь ясно и так. Ему многое дается, но с него много спросится. И для молодежи, как и для нас, вопрос чести – оправдать те большие упования, которые возлагает на науку наша родина⁶⁵.

В своей заметке «О перспективах работы в 1935 г.», Павлов говорил о том, что ему очень и очень хочется жить долго, хоть до ста лет, и объяснял это желание тем, что «небывало» расцветают его лаборатории, что советская власть дала миллионы на его научные работы, на строительство лаборатории:

Что ни делаю, постоянно думаю, что служу этим прежде всего моему отечеству. На моей родине идет сейчас грандиозная социальная перестройка... Уничтожена дикая пропасть между богатыми и бедными. Я хочу жить еще до тех пор, пока не увижу окончательных результатов этой социальной перестройки⁶⁶.

Мысль о желании долгой жизни не покидала Павлова до конца жизни, с целью, как он писал, «видеть на возможно большом периоде результат “грандиозного социального эксперимента”». Результат этого эксперимента, по моему разумению, конечно, далеко еще не определился. А он ведь касается судьбы моей родины»⁶⁷. В письме Д. Н. Прянишникову 11 октября 1934 г. с благодарностью за поздравление в связи с 85-летием, Павлов писал: «Конечно, недурно бы пожить и дольше. Хоть это одно: что будет с нашей родиной?»⁶⁸.

Вывод, который можно сделать на основе изученного материала, заключается в том, что Павлов на протяжении всех восемнадцати послереволюционных лет остро переживал все события, происходящие в стране, не разделял и не мог разделять политику насилия в области науки и образования, культуры,

⁶⁴ Орбели. Избр. труды... С. 21.

⁶⁵ Павлов. Избр. труды... С. 46.

⁶⁶ Павлов И. П. Полн. собр. трудов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 1. С. 31.

⁶⁷ Павлов – Совету Народных Комиссаров Союза ССР. 4 октября 1934 г. // Переписка И. П. Павлова... С. 46.

⁶⁸ Там же. С. 186.

игнорирование общечеловеческих ценностей в угоду классовым и партийным интересам. Он активно противостоял насилиственному внедрению единственного «правоверной» философии –ialectического материализма в естествознание. Он был решительным противником разрушения преемственных научных и культурных традиций. Павлов неустанно обращался с письмами-протестами в Совнарком – к членам правительства, в официальные учреждения против репрессий, унижения человеческого достоинства, против политики социального напряжения в стране.

Мы полагаем, что правда в оценке социально-политических взглядов Павлова заключается в том, что до конца жизни у Павлова сохранилось двойственное отношение к происходящему в стране. Истина в том, что Павлов никогда не подчинялся системе насилия, противостоял ей, хотя физиология, и в первую очередь Павлов и его школа, были в исключительно привилегированном положении, окруженные вниманием и «ухаживанием» властей.

Малоизвестные документальные материалы Павлова, раскрывающие его мировоззрение – взгляды по фундаментальным проблемам общебиологического, социально-политического и культурного характера, на главенство морально-нравственных ценностей в обществе свидетельствуют не только о научном гении ученого, но и большом человеке – международном авторитете гражданина-гуманиста. За год до смерти в феврале 1935 г. Павлов писал: «В 1936 г. я предполагаю участвовать на Международном психологическом конгрессе в Мадриде. Очень хочу принять участие – поднять ряд фундаментальных вопросов»⁶⁹. Павлов собирался также участвовать в праздновании 300-летия Гарвардского университета (1936), «в высоко интересной конференции ученых по фундаментальным вопросам жизни и науки»⁷⁰.

Можно не сомневаться, что фундаментальными Павлов считал междисциплинарные связи между физиологией и психологией, сближения между медико-биологическими и гуманитарными науками.

ИСТОРИК ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

7 сентября 2008 г. главному научному сотруднику ИИЕТ РАН Норавард Андреевне Григорьян исполнилось 80 лет. Она родилась в Нагорном Карабахе, ее детские годы прошли в Баку. Окончив в 1946 г. с золотой медалью армянскую школу № 10, Норавард Андреевна поступила в Первый Московский медицинский институт (1 МОЛМИ), по окончании которого была зачислена в аспирантуру на кафедру истории медицины того же института (1952–1955). В июне 1955 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Развитие и обоснование идей И. П. Павлова в трудах М. К. Петровой. Учение об экспериментальных неврозах». 7 апреля 1976 г. в Институте организации здравоохранения и истории медицины Норавард Андреевна защитила диссертацию на степень доктора медицинских наук «Казанская физиологическая школа». Ее учителями в области истории науки были Ф. Р. Бородулин, С. Л. Соболь и Л. Я. Бляхер.

⁶⁹ Переписка И. П. Павлова... С. 343.

⁷⁰ Там же.

С 6 октября 1955 г. и по настоящее время Норавард Андреевна работает в Институте истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Она автор более 300 научных работ, в том числе 15 монографий, получивших самую высокую научную оценку специалистов. Ее исследования посвящены главным образом истории отечественной физиологии и медицины.

Норавард Андреевна Григорьян является председателем Комиссии по юбилеям Союза армян России, членом культурной комиссии Московского дома национальностей. Она имеет благодарность от Казанского государственного университета «За весомый вклад в исследования и пропаганду достижений Казанской физиологической школы» (2006), благодарность Президиума РАН как лучший автор Вестника РАН за 2006 г. Институт физиологии им. Л. А. Орбели Национальной академии наук Армении назвал ее «признанным биографом научной династии семьи Орбели».

Н. А. Григорьян пользуется заслуженным авторитетом, любовью и уважением коллектива ИИЕТ РАН. Поздравляем Норавард Андреевну с юбилеем и желаем ей здоровья и творческих успехов.

Редколлегия и редакция